
Научная статья
УДК 94(352.3).081
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-24-31

**ОТ ЛОЯЛЬНОСТИ К ПРОТИВОСТОЯНИЮ, ИЛИ НЕЗАМЕЧЕННЫЕ
ПРОТАГОНИСТЫ «КАБАРДИНСКОГО БУНТА» 1825 Г.
(к биографии князей Хамурза Хаджи Мурзабека и Беслана)**

Timur Hazrailovich Aloev

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Х. Алоев, 2025

Аннотация. Работа сосредоточена на выявлении контуров биографической динамики князя Хамурза Хаджи Мурзабека и его сына Беслана в контексте российско-черкесского противостояния в центральной Кабарде в первой половине 1820-х гг. От правным пунктом анализа биографии рассматриваемых фигур избран 1821 г. как по причине хронологической релевантности, так и по соображениям полноты источников. Согласно последним, к началу 1820-х гг. российское командование причисляло князя Хамурза Хаджи Мурзабека к одним из наиболее лояльных представителей кабардинской элиты. Привлеченные к анализу источники показывают, что, демонстрируя определенные преференции и вовлекая в значимые для имперской администрации инициативы, российское командование в последующие несколько лет деятельно поддерживало политический курс, избранный князьями Хамурза. Однако в этот же период вне видимого спектра взаимоотношений с имперскими инстанциями происходил постепенный отказ этих представителей кабардинской знати от установки на сотрудничество с российской стороной. В тексте выдвигается ряд соображений, объясняющих необратимость подобной переориентации. А также постулируется положение об их лидерстве в вооруженном выступлении в Тлащэ, развернувшемся в сентябре 1825 г. и получившем в российской историографии наименования «кабардинского бунта».

Ключевые слова: Хамурза Хаджи Мурзабек, Хамурза Беслан, биография, Кабарда, «бунт», Линия, имперское командование, противостояние

Для цитирования: Алоев Т.Х. «От лояльности к противостоянию, или незамеченные протагонисты «кабардинского бунта» 1825 г. (к биографии князей Хамурза Хаджи Мурзабека и Беслана) // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-2 (67). С. 24–31. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-24-31

Original article

**FROM LOYALTY TO CONFRONTATION, OR THE UNNOTICED
PROTAGONISTS OF THE “KABARDIAN REVOLT” OF 1825
(on the biography of Princes Hamurza Khadzhi Murzabek and Beslan)**

Timur Kh. Aloev

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Х. Алоев, 2025

Abstract. The work focuses on identifying the contours of the biographical dynamics of Prince Khamurz Haji Murzabek and his son Beslan in the context of the Russian-Circassian confrontation in central Kabarda in the first half of the 1820s. 1821 was chosen as the starting point for analyzing the biographies of the figures in question, both because of chronological relevance and for reasons of completeness of sources. According to the latter, by the early 1820 s., the Russian command ranked Prince Khamurz Haji Murzabek as one of the most loyal representatives of the Kabardian elite. The sources involved in the analysis show that by demonstrating certain preferences and engaging in significant initiatives for the imperial administration, the Russian command over the next few years actively encouraged the political course chosen by the princes of Hamurza. However, during the same period, beyond the visible spectrum of relations with the imperial authorities, these representatives of the Kabardian nobility gradually refused to cooperate with the Russian side. The text puts forward a number of assumptions explaining the irreversibility of such a reorientation. It also postulates their leadership in the armed uprising in Tiberias, which unfolded in September 1825 and was called the “Kabardian revolt” in Russian historiography.

Keywords: Hamurza Hadji Murzabek, Hamurza Beslan, biography, Kabarda, “rebellion”, Line, imperial command, confrontation

For citation: Aloev T.Kh. “From loyalty to Confrontation, or the unmarked Protagonists of the “Kabardian Revolt” of 1825 (to the Biography of Princes Hamurza Hadji Murzabek and Beslan). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-2 (67): 24–31. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-24-31

Историографическая традиция, сложившаяся вокруг военных перипетий и последнего всплеска массовой эвакуации кабардинцев 1825 г. сфокусирована на tandemе князя – «валия» Жанхотуко Кучука и его сына Джамбулата. Наряду с прочим этому, по-видимому, способствовало то обстоятельство, что оказавшись очевидцем гибели последнего (случившегося в присутствии отца) Александр Грибоедов, с присущей его таланту выразительностью, запечатлев кровавую развязку коллизии [Грибоедов 1825], имевшую не только индивидуально-семейное, но и, вполне, социально-политическое измерение.

В последующие десятилетия, описанная классиком драма послужила подходящим материалом при отстройке идеологической рамки, «объяснявшей» магистральный вектор вовлечения Кабарды в российское имперское пространство в первой половине XIX в. Сформировавшийся нарратив оказался настолько живуч, что и спустя столетие, на излете XX в., в условиях актуализации тематики Кавказской войны, сопровождавшейся новыми возможностями переосмыслиния многих ее сюжетов, отчужденные от индигенной эпистемы местные авторы некритически рецептировали элементы этой конструкции. Из нее естественным образом выпадали остальные, по меньшей мере, равнозначные по статусу и влиянию князям Жанхотуко представители кабардинской элиты, чьи имена и по сей день остаются затененными. Эта проблема представляется обширной, и анализ ее составляющих требует комплексной работы. Здесь же мы сосредоточимся на одном аспекте столь значимого в черкесской истории сюжета: попытке обозначить контуры биографической динамики князя Хамурза Хаджи Мурзабека и его сына Беслана в контексте российско-черкесского противостояния в центральной Кабарде в первой половине 1820-х гг.

Следует отметить, что источники, которыми мы располагаем, изначально рисуют Хамурзу старшего, в отличие от подавляющего большинства представителей кабардинской элиты, фигурой, как «более других преданного России» (это прим. что «валий» и российский подполковник Жанхотуко Кучук характеризуется в качестве лица, находящегося «в близкой связи со всеми разбойниками») [Кармов 2017: 28]. Обстоятельства, с которыми сопрягается его имя в начале 1820-х гг. не противоречат такому номинированию. Так, в ночь на 25 апреля 1821 г. «кабардинские хищники в числе 40 человек» угнали с Линии 60 лошадей. Из донесения «кабардинского пристава» майора Аносова командующему Линией генерал-майору Сталю от 2 мая 1821 г. известно, что «хищники» состояли из фигур, которые,

действительно, в последующие годы образовали когорту наиболее последовательных оппонентов имперского командования. Среди них один из зачинателей хаджретского движения, и, по-видимому, обладатель наибольшего военного потенциала среди кабардинских князей вплоть до исхода 1822 г. – «известный своей отвагой и решимостью» Хатокшоко Таусултан, гроза российской линии на протяжении практически всех двадцатых годов Касей Исмаил и, погибший позднее вместе с Жанхутуко Джамбулатом в Нальчикском укреплении, его брат Канамат [УЦГА АС КБР. Ф. Р.-1209. Оп. 13. Д. 15. Л. 52–53].

Спустя некоторое время – 18 мая 1821 г. в рапорте майора Аносова к тому же адресату сообщалось о том, что князь Хамурза Мурзабек «доставил из числа угнанных» шестидесяти лошадей одну лошадь [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 13. Д. 15. Л. 10]. Такое заведомо скромное восполнение ущерба сложно воспринять иначе как символический жест лояльности. Мотивировался же он, судя по всему, явным нежеланием ассоциироваться с собратьями, пользовавшимися устойчивой антироссийской репутацией. К тому же, доставление только одной-единственной лошади, кажется, не говорит в пользу наличия хотя бы нейтральных отношений соискателя благосклонности имперского командования с организаторами нападения на Линию. И, действительно, российская сторона благожелательно отнеслась к стараниям Хамурзы старшего. В пользу такого тезиса говорит характеристика его «поведения», составленная российской стороной спустя полгода, в самом конце весьма турбулентного 1821 г. «...Также владелец [Хамурза Хаджи Мурзабек], – отмечается в ней, – с большею частью его подвластных узденей, как видно из вышеизначенного списка, [Кармов 2017: 116] ни в каких шалостях никогда не были замечены. Но при нынешнем для кабардинцев смутном времени хотя и сделал небольшую погрешность в том, что некоторые из разбойников присоединили к его конному табуну своих лошадей, в том упомянуто, что он [Хамурза Мурзабек] пользуясь доверенностью кордонного командира, полковника Подпрятова избавит ее наказания угоном оных. Который однако же по разведыванию о сем... и все лошади, принадлежащие разбойникам оставлены, принадлежащие же ему оставлены за оказанные им в недавнем времени нам довольно хорошие услуги, а более потому, что он, не подражая никаким владельцам остался на прежнем жительстве на равнине не удалился в горы...» [Кармов 2017: 116] Учитывая, что 1821 г. развертывался под знаком «возраставшей дерзости кабардинцев» [Потто 1904: 31], простиравшейся, к примеру, до фраппировавшего даже императора прорыва внутрь Константиногорской крепости, политическая линия Хамурза Мурзабека могла восприниматься как обещавшую в будущем чуть-ли не образцового верноподданного. Не говоря об упоминавшихся выше «довольно хороших услугах», оказанных князем, думается, особой оценки удостоилось его решение «остаться на прежнем жительстве на равнине». Ведь в этот период «большая часть кабардинцев... спешила удалиться в горы, где почитала себя в большей безопасности от наших нападений, – и, что воспринималась командованием максимально негативно, – рас[с]читывала встретить ближайшую поддержку со стороны закубанских народов» [Потто 1904: 34]. Поэтому неудивительно, что адресант с видимой озабоченностью рекомендовал: «По тому же уважению прошу и Ваше Высокоблагородие ему и его узденям, не замеченным ни в каких шалостях оказать во всем снисхождение...» [Кармов 2017: 116]

Относительно «подвластных узденей» князя в документе отмечены следующие наблюдения. «В 2 верстах от оного аул узденей [Уоко Хаджи Эльмуры], [Хакул Ахмета и Исмаила], до 30 домов – Принадлежат Жамбулатовой фамилии владельцу [Хамурза Хаджи Мурзабеку], два уздена из них, последние в разбоях не бывают...

... В 3 верстах от него аул узденей [(П)шиппи Кул-Шеру и Алегуко], до 40 домов – Принадлежит владельцу Жамбулатовой фамилии [Хамурза Мурзабеку], сами уздена и некоторые жители в шалостях изредка бывают...» [Кармов 2017: 30]

Красноречивы характеристики и других уорков Хаджи Мурзабека в это время. Так, согласно имевшимся у имперского командования данным, «не шалили», т.е. не действовали против России Уальпаноко «Жаламбет», Пшиш Алегуко (хотя, как упоминалось выше, он числился среди «жителей в шалостях изредка бывающих»), Тхашугой Давай, Хаджи «Шумай», Хаджи Санашоко, Жамбек Мурзабек, Кундеть Хаджи-Сарамурза. Лишь сын последнего Докшуко изобличался в участии в разбоях. К тому же, по-видимому, братья Катхал Хызыр и Умар отмечены в качестве «переставших шалить» [Кармов 2017: 31]. На этом фоне сведения, зафиксированные в другом документе – «Копии записки[,] протекающим в Кабарде рекам, какие на них расположены аулы и кому принадлежат» отличаются большей однозначностью. Здесь утверждается следующее: «Аргудан в 10 верстах от речки Лескен, впадает в Терек, в вершине оной живут у подошвы гор владельцы [Хамурза Хаджи Мурзабек] и [Эльбаздуко Хамурза] со своими подвластными узденями до 100 домов – Сии владельцы, как сами так и подвластные в разбоях не замечены и связей с ними не имеют» [Кармов 2017: 44].

Усилия Хамурза Мурзабека, направленные на снискание расположения России и расчет на ответную благожелательность в это время, видимо, не оказались напрасными. Об этом можно судить по содержанию списка, датируемого октябрём 1824 г., в котором отражались судьбы некоторых крестьян, оставшихся после бегства их уорков. В нем, в частности, указывается на то, что с санкции российских властей Хамурза Мурзабек распоряжался крестьянами бежавшего Уольпаноко Магомета. Согласно документу, они были «подарены им (Мурзабеком. – Т.А.) кормильщику его узденю Имамказиу Мамхазову (?) у коего земли на реке Баксане называемая Гедука разстоянием на 25 верст. Отданы на поручительство выше-названному кормильщику» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 13. Д. 18. Л. 1]. Принимая во внимание, что Уольпаноко до побега числился среди уорков князя, данное обстоятельство выглядит вполне предсказуемо. Более показательным представляется, то, что российское командование «отдавало на поручительство» ему и крестьян из других княжеских уделов. Так, в этом же документе отмечается, что Хамурза Мурзабеку «отданы на поручительство» «крестьян мужеска пола 4 женска 6 душ, скота рогатого 7 штук. Вещей котел медной – 1, кумган – 9 и т.д.», «оставшиеся» после побега уорка Уртан Тату. Последний же, до побега относился к княжескому уделу Мисост [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 13. Д. 18. Л. 1].

Констатируя в 1821 г. безукоризненную лояльность князя Хамурза Хаджи Мурзабека к имперскому присутствию в стране, российское командование атtestовало и его сыновей. Вернее, в вышеприведенном документе они были перечислены поименно, а аттестации удостоился только один из них. О нем в документе говорится: «Беслен – в России не делает никаких шалостей, а в Кабарде ворует» [Кармов 2017: 28]. Сложно, со всей определенностью, раскрыть содержание выражения «а в Кабарде ворует». Но с учетом лояльности отца и более-менее приемлемых умонастроений, демонстрируемых уорками хамурзинского удела, небезупрочное поведение молодого князя, по-видимому, было признано терпимым отклонением. По крайней мере, пока обнаружившиеся «делинквентные» наклонности были обращены вовнутрь кабардинского общества, нужды в оперативном вмешательстве по их купированию не возникало. В противном случае трудно объяснить привлечение Хамурза Беслана как «расторопного владельца» в звании «экзекутора» к организации важнейшего в видах имперских властей мероприятия в центральной Кабарде – переписи в 1824–1825 гг. [АКАК 1875: 473].

31 августа 1824 г. генерал Ермолов поставил Кабардинскому временному суду «в непременную обязанность учинить перепись всякого состояния людей в Кабарде ныне находящихся». Однако «заседатели» суда, по мнению вельможи, не спешили с исполнением высокого предначертания. Поэтому спустя две недели командующий повторно обратился к ним. В частности, он писал: «Не видя до сего

времени никакого со стороны суда сего по изъясненному предписанию желания я подтверждаю ему строжайше приступить немедленно к означенной переписи и по письменным формам определив по онной по фамилиям [Мисост] и [Хатокшоко] князя [Хатокшоко Мисоста] и члена суда уздена [Атласкир Кужи], а по фамилиям [Бекмурза] и [Кайтуко] поручика, князя [Жанхотуко Джамбулата], князя [Хамурза Беслана]... к которым по предписанию моему будет от командира кабардинского пехотного полка отряжено по одному писарю и переводчику к каждому из помянутых двух отделений». Сменившего Подпрятова подполковника Булгакова Ермолов наставлял «настоятельно требовать, чтобы перепись народа была составляема» [АКАК 1875: 475]. Спустя несколько месяцев ермоловское предписание было исполнено. К 30 января 1825 года перепись всех жителей Кабарды была завершена [Сборник... 2003: 71–150].

В ведомости исчисления кабардинского населения в уделах Бекмурза и Кайтуко было указано, что «Произведено по приказанию начальства князьями поручиком [Жанхотуко Джамботом и Хамурза Бесланом] и секретарем суда капитаном [Шарданом]».

Однако спустя полгода в отношениях отца и сына Хамурза с имперскими властями происходит радикальный поворот. И хотя мы можем судить об этих жизненных метаморфозах, опираясь, в основном, на ретроспективную и далекую от непредвзятости оптику, все же, она предоставляет определенный простор для уяснения некоторых важных аспектов рассматриваемого вопроса.

Итак, обратимся к одной переписке, завязавшейся между российскими командирами в начале осени 1831 г. 22 сентября 1831 г. командующий войсками 3-й части Центра Кавказской линии генерал-майор Горихвостов адресовался к своему непосредственному начальству в лице генерала Вельяминова по причине «вредных внушений кабардинцам» со стороны князя Хамурза Беслана. В своем пространном письме им описывались примеры не просто неблагонадежности, но и открытой враждебности к российской администрации с его стороны. В контексте настоящего очерка нет необходимости вдаваться в ряд важных соображений, содержащихся в тексте письма. Здесь ограничимся изложенными в нем высказываниями, прямо относящимися к событиям 1825 года. «Известный Вашему Превосходительству бунтовщик тумак [Хамурза Беслан], который в 1825 году погубил отца своего князя [Хамурза Мурзабека] и многие аулы взбунтовал... не перестает и теперь возмущать народ против правительства», – отмечается здесь [Хотко 2015: 38]. Сразу оговоримся, что выражение «погубил отца» не стоит воспринимать буквально. Обвинение здесь сводится к тому, что сын способствовал переходу отца на антироссийские позиции. Это явствует из контекста сообщения. К тому же достоверно известно, отец Беслана – Мурзабек «убит на хищничестве» [УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 45. Л. 58] и произошло это не в 1825 г.

Демонстрируя пристрастность к объекту своего интереса и «уличая» последнего в интриганстве автор далее отмечает: «Цель его опять та же, которая была в 1825 году (*sic!*): тогда он, страшная отца намерением русских захватить, рассчитывал, что брат его князь [Хамурза], как живет за Кубанью и еще малолетен, то может наследовать имением, что и случилось» [Хотко 2015: 38]. Генерал последователь в своей констатации, когда уже в контексте совершившегося разрыва с русскими сообщает, что «нет сомнения, что с наступлением весны он (Хамурза Беслан. – *T.A.*) появится в линии из Чечни с партией и **будет стараться согнать аулы в горы, подобно как сделал в 1825 году...** (выделено нами. – *T.A.*)» [Хотко 2015: 40]. Симптоматично, что адресат не счел необходимым хоть как-то оспорить столь настойчиво продвигаемую мысль относительно роли Хамурза Беслана в событиях 1825 г. А ведь Вельяминов как мало кто другой был осведомлен о перипетиях «кабардинского бунта» шестилетней давности. Немаловажно и то, что Горихвостов продолжает настаивать на роли черкесского князя в этих событиях и тогда,

когда побег Беслана в Чечню стал свершившимся фактом. Т.е., когда отпала необходимость в обосновании репрессий в его отношении посредством обвинения в закоренелой враждебности. Это обстоятельство также косвенно говорит в пользу небесочвенности слов российского генерала.

Признавая валидными суждения Горихвостова в отношении действий Хамурза Беслана в 1825 г. невозможно проигнорировать ключевую компоненту приписываемой последнему роли главного действующего субъекта в инициировании наиболее опасной антироссийской акции того года – уводе вотчины клана Хамурза и «взбунтования» и «сгона» многих аулов в горы. Разумеется, было бы заведомым заблуждением представлять Хаджи Мурзабека безвольным объектом манипуляций сына. Если инициатором открытого разрыва с русскими считать Беслана, все же очевидно, что его отец последовал за ним отнюдь не потому, что он находился под безотчетным влиянием сына. Такое решение исподволь созревало по мере кардинальной смены политического ландшафта с 1821 г. К факторам предопределившим такой шаг можно отнести, к примеру, то что новая линия российских укреплений, возведенная в 1822 г. так или иначе не могла не коснуться владений Хамурза Мурзабека, расположившихся «от Аргудана до Лескена» [УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 45. Л. 58]. Фиаско попыток урегулирования отношений, предпринятых хаджретским лидером Бесланоко Асланбеком в 1824 г. и неумолимость имперского командования в проведении жесткой политики по установлению своего незыблемого контроля в центральной Кабарде, очевидно, не способствовали умиротворению умонастроений. Если в течение некоторого времени и при определенных условиях болезненность этого курса сглаживалась личностью полковника Подпрятова, «умевшаго говорить с народом», и, как выше отмечалось, находившегося в доверительных отношениях с Хамурза Мурзабеком, то с его отставкой в 1824 г. этот фактор сошел на нет. На фоне неослабевающей жестокости к хаджретам [АКАК 1875: 473], продемонстрированной в 1822–1825 гг. и общего нарастания имперского давления (проявившегося в принципе: «раз слабость ок[к]упации является основною формою общественной жизни завоеванной страны – крутыя меры уже неизбежны» [Потто 1904: 210]) в центре Большой Кабарды важным толчком к «бунту», скорее всего, стала и недавно проведенная перепись жителей. Обращает на себя внимание, что именно вовлеченные в его осуществление Жанхотуко Джамбулат и Хамурза Беслан, в чьем участии командование, по-видимому, не было разочаровано, спустя полгода оказались на острие выступления против России. Кроме того, что само существование этого мероприятия, т.е. подсчет и фиксация на бумаге людей выходило за рамки приемлемого социального действия, кабардинцы вполне резонно могли усмотреть в нем подготовку акции, менее безобидной для их благополучия, нежели сама перепись. Во всяком случае, в эту логику укладываются «тревожные настроения умов, подогреваемые разными нелепыми слухами», охватившими тогда население *ТуацIэ*. Так в это время рассказывали, «что из России идут войска с 12-ть тыс. калмыков, чтобы угнать все кабардинские аулы в задонские или приуральские степи, как это было еще при Суворове, с ногайцами, обитавшими тогда в степях между Кубанью и Доном» [Потто 1904: 213]. Имеющиеся сведения намекают еще на один фактор, в той или иной степени повлиявший на радикальный политический разворот князей Хамурза. Речь идет о полном разрыве отношений с продолжавшими проявлять лояльность имперскому командованию князьями-собратьями. Об этом можно судить, к примеру, по тому факту, что спустя несколько дней после начала «бунта» «значительная партия кабардинцев бросилась на Малку и против станицы Прохладной захватила табун в две тысячи голов, принадлежавший кабардинскому валию...» [Потто 1904: 214]. Спустя некоторое время, в ночь с 6-го на 7-е октября, «сильная партия беглых кабардинцев, предводимая князем [Хамурза Мурзабеком],

вышла на плоскость и внезапно атаковала на Тереке» ряд аулов, воздерживавшихся от переселения [Потто 1904: 218]. «Партия эта разграбила аулы, угнала скот и сожгла большие запасы сена, принадлежащего Черекскому укреплению, а сам [Хамурза Мурзабек], в одном из этих аулов, лично отнял свою дочь, бывшую в замужестве за князем [Кильчуко Камботом]. Партию эту преследовал сам кабардинский валий и, настигнув ее, отбил почти всю добычу; но жену [Кильчуко] [Хамурзы] успел увезти с собою» [Потто 1904: 219]. Представляется, что эти факты, являющие предельный антагонизм между политическими акторами в *TlyazIэ* возник не спонтанно, как следствие обострившейся здесь ситуации. В подобной радикальности скорее усматривается заранее сформировавшийся политический «водораздел», категорически разведший векторы движения двух фракций кабардинского политикума. Хотя это разделение носило асимметричный характер, влияния князей Хамурзы хватило на то, чтобы с первого дня «бунта» вовлечь в переселенческое движение полностью (5 сел) или частично (9 сел) 14 населенных пунктов. В день разгрома Солдатской – 29 сентября к ним присоединились еще пять сел с Малки [Мамхегов 2023: 115–116]. В этот день, явившийся с левого фланга генерал Ермолов адресовался к Вельяминову: «Сейчас получил я известие о сделанном нападении на селение Солдатское и о разорении онаго. Нет сомнения, что сделали сие кабардинцы с тем, чтобы потом, подобно [Хамурза Мурзабеку], бежать за Кубань» [Потто 1904: 217]. Тем самым, российский командующий обозначил фигуру, которую рассматривал в качестве виновника кабардинского «бунта».

Таким образом, обращение к сведениям относящимся к деятельности Хамурзы Хаджи Мурзабека и Беслана на протяжении рассматриваемого периода позволило очертировать основные контуры биографической динамики этих князей. Будучи представителями одной из самых влиятельных семей в *TlyazIэ* они попадали в фокус имперских интересов, в первую очередь, сквозь призму их отношения к России. На протяжении всей первой половины 1820-х гг. отец и сын Хамурза выказывают благонамеренность имперским инстанциям и регулярно вступают с ними во взаимодействие. Они, в свою очередь, рассматривают их как благонадежных фигур. Однако ряд факторов подспудно подтачивал лояльность князей Хамурзы и, в сентябре 1825 г., командование обнаруживает в них инициаторов антироссийских выступлений, сопровождавшихся нападениями на Линию.

Список источников и литературы

- АКАК – *Акты Кавказской археографической комиссии*. Т. VI. Ч. 2. Тифлис, 1875. 950 с.
Грибоедов 1825 – *Грибоедов А.С. Письмо А.С. Грибоедова В.К. Кюхельбекеру. 27 ноября 1825. Станица Екатериноградская*. // griboedov. lit. – info ru.
- Кармов 2017 – *Кармов Р.К. Трансформация общественно-политического устройства народов Центрального и Западного Кавказа в источниках. 1732–1892* // «Быт, личности, история Кавказа в источниках». Вып. 6 / сост. Р.К. Кармов. Нальчик: Принт-Центр, 2017. 204 с.
- Мамхегов 2023 – *Мамхегов А.Б. Заметки. Вып. X. Публикации в газете «Газета Юга» (2017–2019)*. Нальчик: Принт-Центр, 2023. 314 с.
- Потто 1904 – *Потто В.А. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. III. Ч. 2. Тифлис, 1904. 590 с.*
- Сборник документов 2003 – *Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793–1897*. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 484 с.
- Хотко 2015 – *Хотко С.Х. Из истории участия кабардинцев в общечеркесском сопротивлении в 30-е гг. XIX в.* // Архивы и общество. № 35. Нальчик, 2015. С. 8–54.
- УЦГА АС КБР – *Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики*.

References

- Akty' Kavkazskoj arxeograficheskoy komissii [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. T. VI. Ch. 2. Tiflis, 1875. 950 p. (In Russian)
- GRIBOEDOV A.S. Pis'mo A.S. Griboedova V.K. Kyuxel'bekeru. 27 noyabrya 1825. Stanicza Ekaterinogradskaya [Letter from A.S. Griboyedov to V.K. Kuchelbecker. November 27, 1825. Yekaterinogradskaya village.] // gribedo. lit. – info ru. (In Russian)
- KARMOV R.K. Transformaciya obshhestvenno-politicheskogo ustrojstva narodov Central'nogo i Zapadnogo Kavkaza v istochnikakh. 1732–1892 [Transformation of the socio-political structure of the peoples of the Central and Western Caucasus in sources. 1732–1892] // «By't, lichnosti, istoriya Kavkaza v istochnikakh». Vy'p. 6 / sost R.K. Karmov. Nal'chik: Print-Centr, 2017. 204 p. (In Russian)
- MAMKHEGOV A.B. Zametki. Vy'p. X. Publikacii v gazete «Gazeta Yuga» (2017–2019) [Notes. Issue X. Publications in the newspaper “Gazeta Yuga” (2017–2019)]. Nal'chik: Print-Centr, 2023. 314 p. (In Russian)
- POTTO V.A. Utverzhdenie russkago vlady'chestva na Kavkaze. [Establishment of Russian rule in the Caucasus]. T. III. Ch. 2. Tiflis, 1904. 590 s. (In Russian)
- Sbornik dokumentov po soslovnomu pravu narodov Severnogo Kavkaza. 1793–1897 [Collection of documents on the class rights of the peoples of the North Caucasus]. Nal'chik: E'l'-Fa, 2003. 484 p. (In Russian)
- KHOTKO S.KH. Iz istorii uchastiya kabardincev v obshhecherkesskom soproтивлении в 30-e gg. XIX v. [From the history of the participation of Kabardians in the pan-Circassian resistance in the 1830 s.] // Arxivy' i obshhestvo. № 35. Nal'chik, 2015. P. 8–54. (In Russian)
- Central'nyj gosudarstvennyj arxiv Kabardino-Balkarskoj respubliki [Central State Archives of the Kabardino-Balkarian Republic] (In Russian)

Информация об авторе

T.X. Алоев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории.

Information about the author

T.Kh. Aloev – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Medieval and Modern History Sector.

Статья поступила в редакцию 03.11.2025; одобрена после рецензирования 17.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 03.11.2025; approved after reviewing 17.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.